

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

ДИТРИХ КИТТНЕР, ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР

В главном городе земли Нижняя Саксония — Ганновере — есть район Бульт, а в нем театр, который так и называется «Театр ан дер Бульт», или сокращенно ТАБ. Его труппа, режиссер, дра-

матург, композитор, декоратор, а иногда и гардеробщик — один-единственный человек. «Политическое кабаре» Дитриха Киттнера известно не только в ФРГ, но и в ГДР, Швейцарии, Австрии, Швеции, Чехословакии, Италии. С декабря по февраль он обычно играет в Ганновере, а все остальное время года находится в разъездах. Зал театра ТАБ имеет всего 70 мест, но ежегодно благодаря гастролям на выступлениях Д. Киттнера бывает до 150 тысяч зрителей.

Родился он в 1935 году. Изучал в Геттингенском университете право и историю. Уже в студенческие годы увлекся политическим театром, имеющим большие традиции в немецкой культуре. Впервые «человек-театр» выступил на одной из улиц Ганновера в 1965 году со скетчем, разоблачавшим милитаризм в ФРГ. Актера, надевшего солдатскую каску и противогаз, немедленно арестовала полиция. Восемь лет назад — в декабре 1975 года — Д. Киттнер открыл свой ТАБ.

Достав на днях из почтового ящика письмо от Дитриха Киттнера, я обнаружил на конверте штемпель явно самодельного производства: «Решительно не согласен с тем, чтобы федеральная почта переправляла мои письма в ведомство по охране конституции либо другим секретным службам, а также в систему полицейских компьютеров».

Таков Дитрих Киттнер. Он может позвонить в министерство финансов ФРГ и невинно поинтересоваться, какую часть западногерманского бюджета составляют военные расходы. Услышав от чиновника ответ: «19,2 процента», он переспросит: «Вы не ошибаетесь? По моим данным, значительно больше. Но пусть будет по-вашему. В таком случае я уменьшаю свои налоговые отчисления государству на 19,2 процента и буду переводить ежемесячно соответствующую сумму на закрытый банковский счет, который разморожу в тот день, когда ФРГ уберет со своей территории американские «Першинги-2»...

Да, таков уж Дитрих Киттнер: отстаивая свои убеждения, он и в жизни пользуется своим самым испытанным оружием — сатирой. Его сарказм безжалостен. Надо знать регламентированный до огула западногерманский быт, надо видеть все эти анкеты и формуляры из десятков пунктов и параграфов, постоянно преследующие граждан этой страны, чтобы представить себе, как буквально столбенеет чиновник на другом конце провода от разговора с Дитрихом Киттнером... Но «эксцентрика» эта не самоцель: актер ведь проигрывает сценку, которая может войти в его очередную программу!

Рассказывать об этом театре и очень легко, и страшно

трудно. Песни, скетчи, целые спектакли Киттнера буквально пронизаны политикой. Демонстрация безработных сталеваров под лозунгом «Рур должен жить!» и держимордова система «запретов на профессии», когда человека вызывают на допрос и лишают работы не только за членство в Германской компартии, но и за участие в манифестации солидарности с народами Чили или Гренады; западногерманская Фемида, которая из-под своей повязки бдительно следит за всеми движениями прогрессивной мысли, но зажмуривается, когда затянута в черную эсэсовскую униформу бандюги горланят: «Мы еще с тобой расквитаемся, красная сволочь!»; краснобаиство в зале бундестага, где в тысячный раз талдычат о том, что только под американским ракетно-ядерным «зонтиком» бюргер будет спать спокойно... Все это — темы Киттнера.

Он продолжает традиции «политического кабаре», рожденного в двадцатые-тридцатые годы искусством Бертольта Брехта, Курта Тухольского, Ханса Эйслера. Говоря словами того же Брехта, ганноверский «человек-театр» обладает пятью качествами, необходимыми для того, чтобы говорить со сцены правду: у него есть для этого мужество и умный взгляд на жизнь, есть умение превратить искусство в оружие и правильно выбрать своего зрителя, а также есть блестящий актерский талант.

— Знаете ли вы, из чего складывается представление о мире у западногерманского бюргера? — спрашивает Киттнер у зрительного зала. В ответ — всеобщий смех. Дело в том, что названия двух реакционных шпрингеровских газет — «высоколюбый», рассчитанной на образованную пуб-

лику «Вельт» и похабной сплетницы «Бильд» — складываются в одно немецкое слово «вельтбильд», как раз и означающее «представление о мире», «мировоззрение». Так каламбур превращается в устах Киттнера в меткий сатирический выпад. С его легкой руки в лексикон демократической прессы ФРГ вошло и словечко «баци», которым теперь называют реакционеров и нацистов, особенно вольготно чувствующих себя в штраусовской вотчине — Баварии.

А вот тема «социального мира», о которой — на фоне многотысячных рабочих демонстраций — толкуют министры консервативно-либерального правительства и некоторые реформистские лидеры профсоюзов. Киттнер зачитывает перед аудиторией «Договор о социальном мире», играя попеременно и рабочего, и предпринимателя, и громилу из так называемой «заводской охраны», которую хозяева пускают в ход во время «беспорядков»:

«Управление предприятия фирмы «Раффке Гмбх унд К^о» великодушно нанимает г-на Карла-Хайнца Мюллера на работу с единственной целью — чтобы он работал.

Рабочее время начинается ровно за 20 минут до начала рабочего времени и заканчивается, как правило, через 20 минут после окончания рабочего времени. Ежедневное рабочее время ни в коем случае не должно превышать 24 часов.

Работодатель обязуется при хорошем поведении работополучателя великодушно предоставлять последнему ежегодный отпуск в размере 52 дней. В интересах бесперебойного производственного процесса каждый из дней отпуска приходится на воскресенье.

Праздничные дни соблюдаются, но только в тех случаях, когда они не приходится на рабочее время. Из праздничных дней исключается 1 мая, поскольку оно называется «Днем труда».

В случае заболевания работополучатель обязан немедленно сообщить о своем выздоровлении. Врачебные справки недействительны.

Если работополучатель каким-либо образом нарушит настоящий договор или управление предприятия заподозрит его в нарушении, либо в возможности нарушения договора, а также если он выскажет свое мнение либо что-то сделает или не сделает, то работодатель имеет право уволить его за нарушение социального мира...»

Надо видеть и слышать реакцию рабочей аудитории, когда Киттнер читает ей этот «Договор», да еще в дни пере-

говоров о повышении зарплаты между профсоюзами и предпринимателями! По словам самого «человека-театра», у него нет более благодарных слушателей.

Слава Дитриха Киттнера в ФРГ настолько велика, что ее вынуждена признать и буржуазная пресса. «Никто в Федеративной Республике не владеет сегодня искусством театра одного актера столь убедительно, как Дитрих Киттнер» («Франкфуртер рундшау»), «Оружие Киттнера — не рапира. Он бросается с тяжелым мечом в политическую битву и владеет им поистине мастерски» («Вестдойне альгемайне»), «Киттнер — вершина сегодняшнего политического кабаре» («Вестдойне альгемайне»), «Каждое слово Киттнера попадает точно в цель» («Цайт»)...

Киттнер перебирает газетные вырезки и насмешливо прищуривается:

— Скажем так: меня терпят. До поры до времени. Но вот уже несколько лет, как городские власти Ганновера с благословения земельного правительства Нижней Саксонии лишают ТАБ и тех небольших субсидий, которые положены постоянно действующему театру. А между тем финансовые тиски — самые страшные для нашего сценического искусства.

Он из скромности не говорит о том, о чем не так давно писала пресса: в ТАБ рвался неонацист с пистолетом в руке, орал: «Дайте мне Киттнера!» Не говорит он и о том, что штемпели, которые он ставит на свою корреспонденцию, вызваны весьма реальными обстоятельствами и имеют непосредственное отношение к его «жизненному опыту».

Но мужества Дитриху Киттнеру не занимать. И черпает он его во внимательной и благодарной аудитории, у рабочих и студентов, у демократической интеллигенции, у тех, кто в эти промозглые дни, невзирая на ледяные струи водометов и полицейские дубинки, часами блокирует подъездные пути к американским военным базам, где за колючей проволокой поднимаются зловещие сигары «Першингов».

— Знаешь, — говорит Киттнер, — я подсчитал: за время деятельности моего ТАБ 202 человека мне говорили, или писали, или звонили по телефону о том, что после моих концертов они активно включились в политическую или профсоюзную работу, в борьбу за мир. Разве это не прекрасно — дать импульс человеческой мысли и действию?..

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры».
ГАННОВЕР — БОНН.